

щей, естественно, были вынуждены сочинять поэтические характеры, т. е. фантастические роды или универсалии, чтобы сводить к ним как к определенным образцам или идеальным портретам все отдельные виды, положие каждый на свой род» (87).

Рассматривая триаду диахронически, Вико высказывает предположение (в действительности он почти не пользуется модельными категориями)¹⁹, что иероглифический и символический языки (ср. «язык выразительных движений» по Вундту, «линейная или кинетическая речь» по Марру) являются основным способом коммуникации до появления артикулированной речи. Это предположение представляется Вико разумным, так как объясняет происхождение языка естественным путем, путем бессознательного развития, восхождения от более простого к более сложному. Таким образом, язык оказывается не актом божественного творения и не результатом общественного или законодательного установления, а продуктом естественной эволюции. В пользу того, что столь привычный для нас звуковой язык не является единственно возможным кодом, а наряду с ним возможен и оптический код для передачи мысли, выставляется соответствующая аксиома: «Немые изъясняются посредством жестов или посредством тел, имеющих естественное отношение к той идее, которую они хотят обозначить» (89).

В качестве вечных и всеобщих оснований своей науки Вико устанавливает три универсальных средства социальной организации, удерживающих человека от возвращения к дикому и лесному состоянию: религию, брак, погребение (109).

Вико считает зарождение религии началом антропогенеза. Смутная идея божества, которому озверелые насильники приписывают совершенно неподобающие свойства и, «устрашенные этим воображаемым божеством... начинают подчиняться некоторому порядку» (83), — есть та черта, за пределами которой было бы «глупым любопытством» искать другие начала. Обряд как древнейшая форма символического поведения мог существовать и до появления артикулированной речи «на основании того вечного свойства, что для них (религий. — Л. С.) гораздо важнее то, что их почитали, чем то, чтобы рассуждали о них» (380)²⁰. Героический язык был тоже немым, но речь посредством символических знаков предполагает более высокую ступень обобщения, так как чтобы «выразить что-то посредством одной какой-нибудь части, нужно напрягать разум». Доказательством того, что этот язык, пользующийся очевидными и естественными знаками, не нуждается в словесном сопровождении, служит героический герб. «В таком гербе все настолько разъяснено одними телами, что нет никакой нужды в осмысляющем изречении; именно таков героический герб в своем чистейшем смысле, — это немой язык посредством жестов или телесных знаков, остроумно найденный при бедности условной речи...» (506, 507): А мода украшать гербы словесными формулами появилась в более поздние времена.

Система доказательств Вико, несмотря на то что он не опирается ни на какие экспериментальные данные других наук, а руководствуется собственной способностью к наблюдению и обобщению, представляется вполне аргументированной. Метод семантического анализа первоначальных терминов, которым широко пользуется Вико, не вызывает никаких возражений как метод; другое дело, что реконструкция значений очень часто противоречит научным данным лингвистики и находится на уровне произ-

¹⁹ Вико считает, что поскольку каждая из выставленных аксиом согласуется со всеми остальными, то никаких противоречий в системе его рассуждений быть не может (107).

²⁰ Ю. М. Лотман отмечает, что в культурах символического типа «„знак с нулевым выражением — несказанное слово“ занимает наиболее высокое положение в иерархии ценностей». См.: Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. — Материалы к курсу теории литературы, вып. 1. Тарту, 1970, с. 21.